

М.А. Родионов

РИТУАЛЬНАЯ ОХОТА НА ИБЕКСА (полевые материалы йеменских экспедиций МАЭ)

Среди арабских коллекций МАЭ [Буланова 1970: 262–281; Kisliakov et al. 2006: 37–50] этнографические вещи из Йемена занимают особое место. Первая коллекция (№ 6767, 1976 г., 40 предметов) была собрана отечественным дипломатом О.Г. Пересыпкиным на юге (Аден, Бейхан) и севере (Сана, Таиз) Йемена. Хорошо подобранные комплексы дают представление о традиционной одежде, украшениях, утвари и занятиях йеменцев. Собиратель сумел организовать морскую перевозку из Адена в город на Неве громоздких длинномерных предметов — лодки-долбленки, якоря, пахотные орудия, ярмо, цеп и т.д. В 1979–1982 гг. музей получил несколько вещей с юга Йемена и о. Сокотра от арабистов М.Б. Пиотровского (пояс-патронташ и пояса для сидения), М.А. Родионова (традиционное детское платье) и В.В. Наумкина (сокотрийское устройство для получения огня, курильница для ладана). С 1983 г. все трое принимали активное участие в работе Советско-Йеменской комплексной экспедиции АН СССР, или СОЙКЭ (с 1991 г. — Российской комплексной научной экспедиции в Йемене РАН).

Первоначальная программа экспедиции не предусматривала сбор этнографических коллекций для МАЭ. Однако они стали регулярно поступать в музей благодаря сотрудничеству с йеменцами и энтузиазму членов СОЙКЭ. Среди собранного этнографического материала — женские платья, платки, лицевые покрывала и украшения из Юго-Западного Хадрамаута, позволяющие проследить эволюцию традиционного костюма, выделить местные особенности одежды и орнамента. В МАЭ представлены инструменты йеменской народной медицины (для прижигания, удаления зубов, медные банки и т.д.), детские игрушки, некогда бывшие вотивными статуэтками для доисламского пророка Худа (глиняные фигурки верблюдицы и лошади), музыкальные инструменты, утварь из глины, дерева, жести, кожи, пальмового волокна или листа (см.: [Родионов 1994: 121–136, рис. 9, 16, 24–27, 45–55, 85–93; Rodionov 2007: 126–140, Fig. 21–26, 39–55, 61–76, 85–93; Страна благовоний 2007: 33–35]).

Сейчас в МАЭ 17 йеменских коллекций: 1) 6767 (40 пр.), 1976 г., собиратель О.Г. Пересыпкин, регистрировала И.В. Богословская; 2) 6803 (6 пр.), 1978 г., собиратель М.Б. Пиотровский, регистрировала И.В. Богословская; 3) 6804 (1 пр.), 1979 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 4) 6823 (3 пр.), 1979 г., собиратель В.В. Наумкин, регистрировала И.В. Богословская; 5) 6854 (6 пр.), 1982 г., собиратель В.В. Наумкин, регистрировала И.В. Богословская; 6) 6878 (44 пр.), 1983 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 7) 6901 (51 пр.), 1984 г., собиратель П.И. Погорельский, регистрировала И.В. Богословская; 8) 6920 (56 пр.), 1985 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 9) 6927 (45 пр.), 1986/87 гг., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 10) 6986 (26 пр.), 1992 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов (совместно с П.И. Погорельским); 11) 7009 (15 пр.), 1992 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 12) 7074 (20 пр.), 1995 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 13) 7172 (15 пр.), 1999 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 14) 7240 (7 пр.), 2003 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 15) 7277 (5 пр.), 2005 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 16) 7316 (14 пр.), 2006 г., собиратель и регистратор М.А. Родионов; 17) 7525 (24 пр.), 2012 г., собиратель и регистратор П.И. Погорельский.

Всего 388 предметов, из них на долю Советско-Йеменской комплексной экспедиции Академии наук и ее преемницы Российской йеменской экспедиции РАН, а также йеменских экспедиций МАЭ после 1999 г. приходится 12 коллекций, 332 предмета. Членами данных экспедиций также собран большой и разнообразный иллюстративный материал.

В настоящее время едва ли не самым изученным в этнографическом отношении районом Южной Аравии стал Хадрамаут, когда-то известный за пределами арабского мира лишь по упоминанию в Ветхом Завете [Кн. Бытия 10: 25–28]. Во многом это заслуга Российской комплексной научной экспедиции в Йемене и, в частности, ее лингво-этнографической группы, в которую входили сотрудники петербургской Кунсткамеры М.А. Родионов и П.А. Погорельский, сотрудник ИВ РАН С.Н. Серебров и сотрудник СПбГУ лингвист О.И. Редькин. В разное время с группой работали архитектор из Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Ю.Ф. Кожин, архитектор Л.В. Тугарин, фотограф Государственного Эрмитажа В.С. Тербеннин.

Большинство йеменских вещей, поступивших в МАЭ, получено в дар. Их ценность трудно представить в денежном выражении, так как для этнографического музея предметы традиционного быта из крестьянского жилища или бедуинского шатра порой интереснее и важнее, чем роскошные шедевры из дворца. Местные жители делились с нами памятью о своих предках, надеясь, что музей достойно сохранит ее. Мы благодарны женщине из сейидского рода Бин Шайх Бу Бакр (деревня ал-Куза, Хадрамаут), подарившей нам свадебное платье своей матери (колл. № 6920-1), 'Атифу Ба Рушайди (город Сиф, Хадрамаут), передавшему в МАЭ оружие своего деда — пороховницу и меч (колл. № 6927-16, 17), а также Мансуру Ахмаду Ба Тайсу, подарившему старинное копье (колл. № 6986-20). Указанные предметы из родов Ба Рушайди и Ба Тайс демонстрируются на постоянной экспозиции МАЭ «Культура стран Ближнего и Среднего Востока» и наряду с другими экспонатами — поясом-патронташем,

пулелейкой и фитильным мушкетом (колл. № 6920-12, 20, 21) показывают традиционное вооружение воина из племен Хадрамаута, сохранявшееся в почти неизменном виде вплоть до начала Второй мировой войны.

Помимо межплеменных усобиц эти вещи служат поводом для беседы о ритуалах охоты на ибекса (лат. *Capra ibex*) — горного, или каменного, козла, почитание которого зафиксировано с древних времен на обширных территориях Евразии [Dostal 1962]. О широте этого ареала свидетельствует и выставленные вместе с йеменскими экспонатами рога горного козла (*кишк*, *бурх*) из Припамирья (колл. № 7041110), аналогичные паре рогов (колл. № 3422-26), привезенных в МАЭ в 1926 г. из верховьев Зеравшана, горная местность Матча, где они находились на мазаре как приношение-*назр* ([Кисляков 1970: 11–12, рис. 3]; ср.: [Кисляков 1934: 181–189; 1937: 109, 115–117]).

Ритуальная охота (*qanīs*) на ибекса (*wa'l*) бытует в Южной Аравии как непрерывная традиция несколько тысячелетий. Ее ранний период изучали Алфред Бистон [Beeston 1948: 183–196] и Жак Рикманс [Ruyckmans 1976: 259–308]. На ее практику в Хадрамауте первым обратил внимание Гаролд Инграмс [Ingrams 1937: 12–13], а этнографические исследования проводили Роберт Сарджент [Serjeant 1976], автор настоящей статьи [Rodionov 1994: 123–129; 2005: 215–221; 2007: 110–113; Rodionov, Schoenig 2011: 43–47; Родионов 1994: 105–108; 2007: 7–11; 2014: 77–79] и краевед Хадрамаута 'Абд ар-Рахман Бин 'Акил [Bin 'Aqīl 1425/2004].

Сорок лет назад в книге о южноаравийской охоте Р. Сарджент отмечал, что в первой половине XX в. охота на ибекса еще сохранялась в Хадрамауте, но не был уверен, что она практикуется до сих пор [Serjeant 1976: 4]. Мои полевые разыскания 1983–2008 гг. (в 2003 г. совместно с 'Абд ар-Рахманом Бин 'Акилем) показали, что ритуальная охота на ибекса в Хадрамауте пока еще сохраняется ([Bin 'Aqīl 1425/2004]; ср.: [Страна благовоний 2007: 60–65]), несмотря на резкое осуждение со стороны исламских радикалов и неблагоприятные экологические условия: работы нефтяных компаний на южном плоскогорье Вади Хадрамаут, развернувшиеся с 1990-х годов, вынудили значительную часть горных козлов перебраться на северный борт Вади.

Подобно Р. Сардженту и 'Абд ар-Рахману Бин 'Акилу, автор изучал церемонию охоты на ибекса преимущественно в Мадуде (полевые сезоны 1987, 2003, 2006 гг.). Выбор места во многом объясняется незаурядной личностью локального распорядителя охоты — *мукаддама*: здесь эту роль в течение многих лет играет Мубарак Ахмад Бахдар, получивший ее по наследству (рис. 1).

В 1950-е годы с Р. Сарджентом сотрудничал отец Мубарака — мукаддам и глава квартала Ахмад Са'ид Бахдар, которого мы еще застали в Мадуде в 1987 г. Интервью с участниками охоты на ибекса были также проведены мною в 1983–1994 гг. в деревнях ал-Хаджарайн и Хурайхар в вади Дау'ан на западе Хадрамаута и в центральном районе и на востоке главной долины — Вади Хадрамаут [Родионов 1994: 107–108].

Главные центры охоты на ибекса во внутреннем Хадрамауте (без побережья) с востока на запад — 'Инат, где когда-то выращивались особые собаки, натаскивавшиеся на ибексов, таримский Даммун, Бур, Тариба, Мадуда, ал-Гурфа, ал-Ка'уда в вади ал-Каср и Буда в вади Дау'ан. Каждый центр имеет

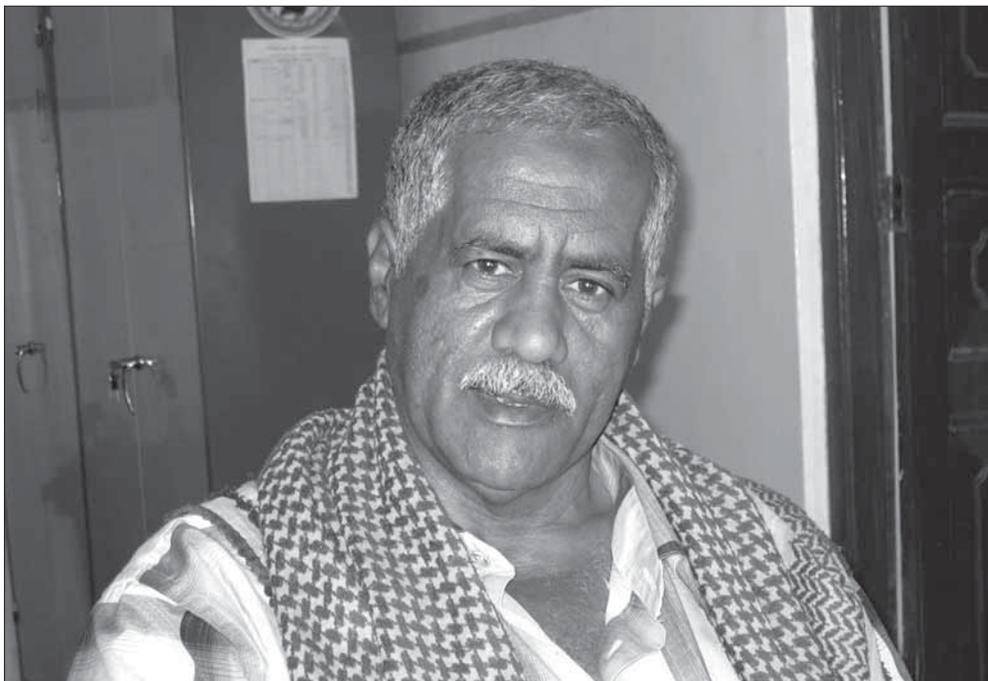

Рис. 1. Шейх Мубарак Ахмад Бахдар, мукаддам охоты в Мадуде.
Фото автора. 2006 г.

закрепленную за ним охотничью территорию. Так, в Буре угоды закреплены за потомками местных праведников *аулийа* (ед.ч. *вали*), которым причитается часть туши каждого убитого животного: гора Забак — за семьей потомков Пророка *сада* (ед.ч. *сайид*) ал-‘Айдарус, гора Ба Наджжар — за шейхами аз-Зубайди (могила праведницы в Хаутат ас-Султана), гора Бин Хамдан — за шейхами Бин Мухаммад (могила вали Маула Хайла) и сада ‘Алави б. ‘Убайд (Маула Сумах), гора Йахбур — за могилой ‘Убайдулы, сына первого сайида, переселившегося в Хадрамаут, Ахмада б. ‘Исы ал-Мухаджира.

Мясо ибекса, добываемое на охоте, практически не влияет на пищевой рацион местных жителей. Так, зимой 1986/87 г. в Мадуде добыли всего одного ибекса, в Тарибе — 18, из которых девять «больших», т.е. имеющих не меньше 20 круговых наростов на каждом из рогов, в Даммуне — четыре. Настоящая ценность охоты на ибекса лежит в социокультурной сфере: охота поддерживает стабильность общины (квартала) и очерчивает перспективы коллектива в предстоящем годовичном цикле.

Охота на ибекса устраивается в холодный сезон — в широком диапазоне с октября по февраль, но, как правило, в период «зимних звезд» *Dalū, Hūt, Naḥh, Buṭayn, Thurayyā, Baraqān, Haq‘a*, т.е. с начала октября по конец декабря (о звездном календаре см.: [Rodionov 2007: 202–205]). После принятия коллективного решения о начале охоты власть над населенным пунктом на две недели переходит в руки главного распорядителя охоты. Согласно культурной норме, сама охота длится шесть дней — с субботы по четверг, но на практике может продолжаться восемь дней (как в Тарибе в 1987 г., мукаддам ‘Ид Аввад Баллайл из племени ‘авамир) или ограничиваться всего несколькими днями.

Остановимся на том, как ритуалы охоты на ибекса проходят в Мадуде, сельскохозяйственном поселении (*balad*), в котором насчитывается не менее 10 тыс. жителей. Он расположен к северо-западу от административного центра Вадии Хадрамаут, в г. Сайуне. Более восьми веков духовную власть в Мадуде осуществляют шейхи Ба Хумайд, возводящие свой род к сподвижнику Пророка Хамиду ат-Тавилу и проживающие компактно в районе от Святилища Маула Туйура (рис. 2) до главной площади, носящей имя шейха Тахи б. Мухаммада Ба Хумайда (рис. 3).

Рис. 2. Мадуда. Святилище Маула Туйура. Фото автора. 2006 г.

Рис. 3. Мадуда. Площадь, где разыгрывается ритуальное действо в честь удачной охоты на ибекса. Фото автора. 2006 г.

На этой площади старейшина-мансаб Ба Хумайд прилюдно объявляет о начале охоты в традиционных для Мадуды угодьях вади Джу'айма. Местные охотники делятся на четыре группы — 1) загонщики, 2) стрелки, 3) приканчивающие добычу дубинами, 4) «люди сети», расставляющие сеть, в которой должно запутаться загнанное животное. Каждая из групп имеет своего руководителя-мукаддама, все они принимают кофейные зерна от мансаба Ба Хумайд в знак того, что согласны подчиняться приказам главного мукаддама — распорядителя охоты, который за послушание может приказать побить палками любого охотника, невзирая на происхождение и социальный статус. Другой символический акт, собирающий участников перед охотой — процессия с танцами и песнями (*marzaḥa*).

Неудача на ритуальной охоте традиционно объясняется порчей (*dhaym*): кто-то из участников совершил обман или воровство, пропустил молитву, поссорился и не помирился, выругался или отправился на охоту, выпив чаю и/или закулив. В этом случае незадачливые охотники возвращаются домой по одному, без песен и танцев. Их позорят и дразнят: «Обгладывайте [кости], обгладывайте! Ваш мукаддам упал и растянулся!»

После удачной охоты, в результате которой убит хотя бы один «большой» ибекс (см. выше), устраивается социальная презентация, начинающаяся процессией охотников (общий термин *zaff*, его синоним *'idda* означает также свадебные танцы). Мукаддам возглавляет шествие и выступает как корифей античного хора, вдохновляя участников на короткую речевку *замиль* (записанный мною образец см. ниже в описании ритуала в ал-Гурфе).

Наиболее интересная часть социальной презентации в Мадуде — «потешное действие» (*huqla* или *li'ab*), воспроизводящее эпизоды охоты. На площади шейха Тахи б. Мухаммада Ба Хумайда, которая сегодня не вмещает всех зрителей и участников действия, в 1987 г. для членов нашей экспедиции была устроена инсценировка этого зрелища. Сначала растянули сеть. Когда-то ее плели из козьей шерсти, иногда красили индиго, сейчас, плетеная из белых крученых веревок, она похожа на волейбольную размером 1,6×9 м. Колья высотой 2,5–3 м делались из пальмовых стволов, теперь это оструганные рубанком жерди меньшего размера. Наши собеседники называют сегодня лишь два центра, где сеть все еще используется, — Мадуда и таримский Даммун. Затем охотник целится из бутафорского ружья в «ибекса», изображаемого молодым человеком, держащим в руках *qash'a* — козлиную голову с рогами, крашенными индиго и, наконец, рога застревают в ячейках сети: ибекс пойман (рис. 4).

Конечно, инсценировка не дает полной информации, в частности о реакции зрителей, поэтому этнографическая группа СОЙКЭ (М.А. Родионов, П.И. Погорельский, Ю.Ф. Кожин) в 1990 г. приняла участие во всех социальных презентациях после удачной охоты на ибекса в ал-Гурфе. Подробности ритуала и выводы, вытекающие из полученного полевого материала, обсуждались с Р. Сарджентом и А. Бистоном, докладывались на Арабском семинаре в Кембридже в 1991 г. и опубликованы в «New Arabian Studies» [Rodionov 1994]. Ниже суммируются главные черты охотничьего ритуала в ал-Гурфе с учетом более поздних консультаций, опросов и интервью (1994–2008 гг.).

Зимой 1990 г. охота на ибекса в ал-Гурфе началась в субботу 20 января и продолжалась до четверга 25 января. Ей предшествовало появление вестни-

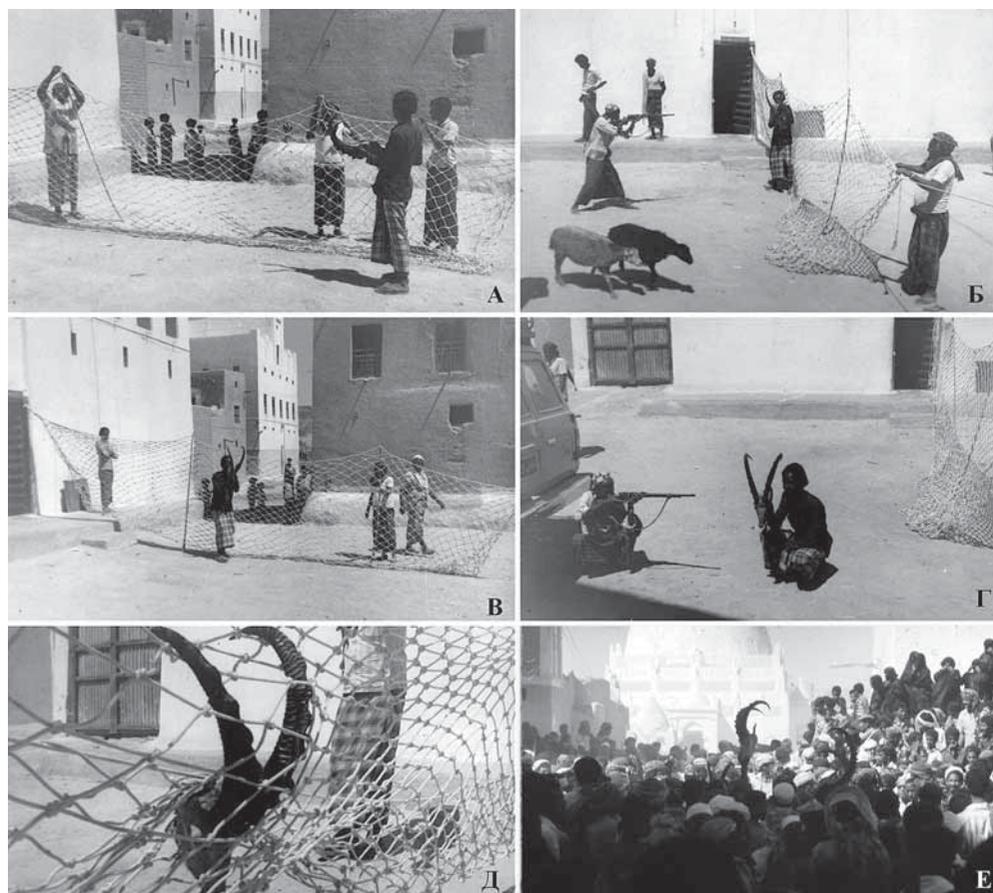

Рис. 4. Инсценировка «потешного действия» в Мадуде. Фото автора, 1987 г.:

А) — установка охотничьей сети, появление юноши с рогами ибекса; Б) — появление «охотника» с бутафорским ружьем; В) — «ибекс» с рогами у сети; Г) — решающий выстрел; Д) крашенные индиго рога ибекса, запутавшиеся в сети; Е) ритуальное действо в ал-Гурфе на площади перед мечетью Бин Духми. Последнее — фото Ю.Ф. Кожина, 1990 г.

ков, публично объявивших жителям города, что они видели ибексов в горах. До охоты и после нее участники собираются в домике в долине ал-Джу'айма близ деревни ал-'Уакака'а (al-'Uqaqa'a). Глава охотничьего сообщества Мухаммад 'Умар — выходец из знаменитого рода Бин 'Абдат, выступавшего в свое время против султанов Хадрамаута и британской администрации. Он и четыре мукаддама — Салих Махфуз Шарка, 'Абдаллах Бин Таййиб, Махфуз Салим Ба 'Амир и Са'ид Ахмад Бин 'Умара — делились подробностями охотничьего ритуала. Границы угодий соблюдаются уже не так строго, как в прошлом, и сетью нынешние охотники из ал-Гурфы больше не пользуются.

Каждая охотничья группа, состоящая из 10–12 человек, возглавляется мукаддамом, имеющим двух помощников и повара. Поддерживается строгая дисциплина («единая рука и единое сердце»), действуют те же запреты, что в Мадуде. Охотники питаются сообща, раз в день, вечером. Для коллективных трапез каждый делает свой взнос — мешок риса или пшеницы и т.д.

Успешная охота отмечается многочасовым шествием *заффом*, начинающимся у охотничьего домика в ал-Джу'айме и заканчивающимся в ал-Гурфе. Для музыкального сопровождения *заффа* в домике хранятся три вида барабанов — кожаные большие (ед.ч. *hājir*), кожаные средние (*mirwās*), а также малые деревянные (*matraqa*) [Родионов 1994: рис. 27]. Перед шествием охотники устраивают совместную трапезу, готовится и главный символ успешной охоты на ибекса — головы взрослых козлов с рогами, окрашенными индиго. Зимой 1990 г. охотники ал-Гурфы добыли три головы — с 48, 18 и 12 наростами на рогах соответственно. Если у добычи меньше десяти наростов на рогах, праздник в ал-Гурфе не устраивается (ср. с приведенной выше культурной нормой, декларируемой в Тарибе: «взрослый» ибекс должен иметь в сумме не менее 20 наростов на обоих рогах).

Охотники забираются в кузова грузовиков, и процессия направляется к ал-Гурфе с остановками у всех населенных пунктов, стрельбой в воздух или по случайным целям (змея, птица) и постоянной декламацией *замлия*, который в 1990 г. звучал так: «Добро пожаловать, те, кто охотился на горных вершинах, // Их маузеровские винтовки громко стреляли, когда они входили на поле битвы!» (арабский текст с комментариями неоднократно публиковался мною, см.: [Rodionov 1994: 125; Родионов 2014: 78]).

Ровно в четыре часа пополудни кавалькада машин достигает ал-Гурфы, люди спешиваются и строятся в колонну. Каждый ряд насчитывает 10–12 человек, т.е. одну группу под руководством своего мукаддама. Процессия начинает медленное движение от западной окраины города к его центру, повторяя слова *замлия*, которые подсказывает им поэт-предводитель 'Умар Мухаммад из рода шейхов Ба 'Аббад (о нем см.: [Rodionov, 1994: 126, 129, прим. 7]). Взрываются китайские петарды и пиротехнические патроны, женщины на крышах приветствуют шествие протяжными криками. С обычного шага (*qamsa*) участники шествия переходят на бег вприпрыжку (*khabba*). Так проходят 15 рядов, представляющих жителей разных деревень и городов от Тарима до Шибамы. Над головами марширующих покачиваются рога ибекса, крашенные индиго.

Праздник продолжается 26 января в пятницу. В восемь часов утра к западу от ал-Гурфы на футбольном поле собираются первые группы участников, несущих рога ибекса. Мелкие торговцы раскладывают свои товары на картонных ящиках или прямо на земле — на клеенках или мешковине. Через час слышатся звуки двойной дудки *мизмара* и ритмичные удары барабанов. Внутри кружков, устроенных зрителями, исполняется танец *marzaḥa* с рогами ибекса и поэты состязаются в декламации стихов. Под руководством мукаддамов, поблескивающих лезвиями кинжалов *джамбий* или просто размахивающих кожаными ножнами, люди движутся, подчиняясь особому ритму, то в шеренге, то разворачиваясь лицами друг к другу — *zaff shabwānī*. Во время церемонии рога ибекса были пронесены по всему периметру футбольного поля.

К десяти часам утра процессия достигла купольной гробницы (*qubba*) шейхов Ба 'Аббад, а чуть позже — куббы сайида ал-Хабши. Потом шествие вышло на площадь у мечети шейха Ба 'Аббада, где был исполнен танец с рогами. Оттуда праздник переместился к самой старой мечети города — мечети Бин Духми, а затем — к офису местной администрации, там ее представитель произнес

небольшую речь. В 11 часов шествие прервалось до трех часов пополудни. За это время у мечети Бин Духми огородили канатами место для церемонии, о начале которой объявили в мегафон. В поиске лучших мест зрители толпились на крышах домов и мечети, некоторые даже забрались на минарет (см. рис. 4 Е).

К пяти часам вечера на площадь внесли рога ибекса и 11 ряженных заняли места за канатами. Поэт-предводитель 'Умар Ба 'Аббад объяснил, что ряженные символизируют представителей местного социума: шейх в долгополом одеянии, белом тюрбане и в очках, бедуин в лохматом черном парике с веревкой вместо головной повязки и деревянным мушкетом, женщина в традиционном платье (которую изображал мужчина) и загадочная серая фигура в картонном колпаке, обклеенном фольгой, с маской черепа на лице. По поводу последней 'Умар заметил: «Это просто *фантазийя*». Социалистическое правительство было представлено ряженным в униформе цвета хаки, с огромной кобурой на ремне и воинственными накладными усами. Поэт Салих Мухаммад Хумаид прочитал касыду, посвященную охоте на ибекса. Затем ряженный, изображавший шейха, продекламировал очень похожие стихи, и публичное празднество закончилось. В отличие от Мадуды церемония в ал-Гурфе не включала инсценировки самой охоты.

Участники охоты разошлись по домам, где их ждало праздничное угощение. Мясо ибекса подлежало дележке внутри охотничьих групп по строгим правилам. Удачливый стрелок, нанеший первый и решающий удар, получает правую заднюю ногу; фиксированная доля достается семейству шейхов Ба 'Аббад, которых считают покровителями охоты: охотничьи угодыя ал-Гурфы носят общее название Джабал Ба 'Аббад.

Полевой материал, полученный во время праздников удачной охоты на ибекса в Мадуде и в ал-Гурфе, интервью с участниками охоты в других районах Хадрамаута, исследования коллег и обширный иконографический материал (наскальные рисунки, скульптуры, рельефы), накопленный наукой [Rodionov 1994: 127–128], позволяют сделать несколько выводов.

Доисламские корни, сохранившиеся в обрядности южноаравийской охоты на ибекса, ведут нас к сабейскому богу Альмакаху, который, как показал Г. Гарбини [Garbini 1974: 15–22], уподоблялся древнегреческому Дионису и был покровителем ибексов, приносимых ему в жертву. Дионисии отмечались в Древней Греции в холодный период, примерно тогда же, когда в Хадрамауте наступает сезон охоты на ибекса. На дионисиях процессия облаченных в козлиные шкуры сатиров с козлиными рожками несла над собой «отрубленную голову Диониса», состязались хоры и поэты [Иванов 1994: 299–301]. Аналогии с праздником счастливой охоты на ибекса в Хадрамауте очевидны: шествие *зафф*, голова ибекса с крашеными рогами, *замили* и состязания поэтов. Поэт-распорядитель в Хадрамауте аналогичен древнегреческому корифею хора, огороженная площадка весьма напоминает древнегреческую *скену*, а носящие маски или густо раскрашенные ряженные в ал-Гурфе похожи на первых древнегреческих актеров на котурнах и в масках варвара, женщины, раба. Они тоже мало действовали и говорили, а больше подражали и жестикулировали, представляя, или символизируя, как сказал поэт Ба 'Аббад, представителей местного социума.

Все это приводит нас к истокам классического театра. Напомним, что термин «трагедия» происходит от греческого *τράγος* — «козел» и *ᾠδή* — «песня», т.е. «песня козла», а утверждаемая в «Поэтике» Аристотеля связь трагедии с панегириком снова заставляет вспомнить хадрамаутский *замиль*.

Театральный прототекст можно увидеть и в одном из жанров южноаравийской поэзии — охотничьих поэмах *бани мигра* (*banī mighrā*), где *мигра* — это охотничьи псы, натасканные на ибексов, а *бани мигра* — охотники и загонщики. Обширные поэмы, обычно не менее трех десятков строк, почти обязательно включают похвалу (*madḥ* — дифирамб, панегирик) ибексу, его благородным рогам, украшающим дома лучших охотников (см. рис. 5–8), или самим охотникам. Однако особенность этого жанра, в котором работали лучшие из народных поэтов Хадрамаута, такие как Му‘аллим ‘Абд ал-Хакк (1799–1873) [Ва Matraf 1983], заключается вовсе не в содержании, а в характере презентации и поводе для нее. Уподобление древнегреческой трагедии аравийскому мадху имеет некоторые основания и вряд ли является прихотью средневековых переводчиков Аристотеля на арабский. Героя трагедии с героем арабского панегирика роднит бесстрашие перед судьбой, вызов, который они бросают року.

Архаичность южноаравийского обряда подтверждается и тем, что церемония, устраиваемая в случае удачной охоты, включает элементы брачного торжества, отмеченные Р. Сарджентом [Serjeant 1976: 55]. Среди свадебных песен нередко встречаются обращения к ибексу: «О каменный козел, несущий сотню [годовых колец на рогах]! // На холмах будут охотиться на тебя, // а сокол возьмет твоего отца» [Родионов 1994: 179]. Связь ибекса с доисламскими паломничествами сохраняется в обычае привозить домой, возвращаясь от гробницы доисламского пророка Худа, детские игрушки в виде ибекса, лошадки, верблюда, изготовляемые в городе Тарим местными гончарами ал-Бани (рис. 9). Очевидно, что «детские игрушки» имели до ислама более высокий статус вотивных фигурок.

Рис. 5. Рога ибекса как благожелательный символ на ограде жилого дома, г. Даммун. Фото автора, 2003 г.

Рис. 6. Рога ибекса как благожелательный символ у ворот жилого дома: справа от ворот — пара, слева — одиночный рог, г. Даммун. Фото автора, 2003 г.

Рис. 7. Рога ибекса как благопожелательный символ: 9 пар рогов на жилом доме, г. 'Инат. Фото автора, 2003 г.

Рис. 8. Рога ибекса как благопожелательный символ на кровле и шестах Клуба молодежи, г. 'Инат. Фото автора, 2003 г.

Рис. 9. Глиняная фигурка ибекса (в центре). Работа гончаров ал-Бани, г. Тарим. Фото автора, 2006 г.

ما ذكر اسفل هذا صحتها
تعمل طبق الأصل

٢٥ ربيع الأول ١٣٦٨ هـ موافق ٢٥ جوارح سنة ١٩٤٩
المجودة بناء على ما قرره اخينا المصمم السلطان علي بن منصور شيخنا
بمباريح ٢٧ صفر ١٣٥٧ بين اهالي بناحية بلدة مدودة والزمم العمل به
فمن الآن تؤيد ذلك القرار وتلزم العمل به ايضا
وحيث ان المذكورين حضرو لدينا يوم الثلاثاء ١٥ من شهر رجب وهم مقدم الخاتمه
فمعيده احمد بخضرو وعرايف الاضاهر ، فبعد سماع كلامهم فيما يتعلق
بومضة القنصير الذي كان موقفا من قبل . سمعناهم بالرخصه
والترضا فم العمل بما ياتي
١ يكلف سمر القنصير اول ليله من الشبخ بولي طهوره . وثاني
ليله عند من كان من مشايخ اراحميد لديه المنصبه
٢ كل عريف مسئول عن حمايته والقدم مسئول عن العرايف
٣ عويده القنصير السابته بحرون ملبه وعليهم المقادير في
بعضهم البعض ومع المشايخ وغيرهم من سكان مدوده ومع البنايل
الطواريق والبا . ومن خالف هـ يعاقب . صحح
نقله من الأصل هرنا جرفا
عويده

Рис. 11. Документ из Мадуды эпохи султанов ал-Касири, посвященный охоте на ибекса, датирован 1368 г. Хиджры = 1949 г. Фото автора, 2003 г.

Рис. 12. Пуля с личной насечкой охотника. Фото автора, 2006 г.

Библиография

- Буланова Л.А. Арабские этнографические коллекции МАЭ // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 262–281. (Сб. МАЭ. Т. XXVI).
- Иванов В. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994 (Античная библиотека. Исследования).
- Кисляков Н.А. Бурх — горный козел, древний культ в Таджикистане // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 181–189.
- Кисляков Н.А. Охота таджиков долины реки Хингоу — в быту и в фольклоре // Советская этнография. 1937. № 4. С. 104–119.
- Кисляков Н.А. Вотивные предметы горных таджиков (по коллекциям МАЭ) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С. 5–15. (Сб. МАЭ. Т. XXVI).
- Родионов М.А. Этнография Западного Хадрамаута. Общее и особенное в этнической культуре. М., 1994. 234 с.
- Родионов М.А. Сколько кварталов в Мадуде? Смута в документах и рассказах // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году / Отв. ред. Ю.К. Чистов, Е.А. Михайлова. СПб., 2007. С. 7–11.
- Родионов М.А. Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут. СПб., 2014. 154 с. (Kunstkamera Petropolitana).
- Страна благовоний / The Land of Incense. Йемен: образы традиционной культуры / Yemen; Images of Traditional Culture. Каталог выставки / МАЭ РАН. СПб., 2007.
- Bā Maṭraf Muḥammad*. Al-Mu‘allim ‘Abd al-Ḥaqq: al-shā‘ir al-sha‘bī al-awwal. Aden, 1983.
- Beeston A.F.L. The Ritual Hunt. A Study in Old South Arabian religious Practice // Le Muséon. 1948. No. 61. P. 183–196.
- Bin ‘Aqīl ‘Abd al-Raḥmān*. Qanīṣ al-wa‘l fī Ḥaḍramawt. Al-Damān, 1425/2004. 165 p.
- Dostal W. Über Jagdbrauchtum in Vorderasien // Paideuma. 1962. No. 8. P. 85–97.
- Ingrams W.H. A Dance of the ibex hunters in the Hadhramaut: is it a pagan survival? // Man. 1937. Vol. 37. P. 12–13.
- Garbini G. Il dio sabeo Almaqah // Revista degli studi oriental. 1974. No. 48. P. 15–22.
- Kisliakov V., Moiseeva T., Rezvan E., Rodionov M. “Returning from Distant Journeys”: on the History of Gathering the Muslim Collections of MAE RAS (The Middle East and Central Asia). I [1] // Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscripts research. 2006. Vol. 12. No. 3. SPb, 2006. P. 22–56.
- Rodionov M. The Ibex Hunt Ceremony in Hadramawt Today // New Arabian Studies. 1994. Vol. 2. P. 123–129.
- Rodionov M. “Satanic matters”: social conflict in Madudah (Hadramawt), 1357/1938 // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 2005. Vol. 35. P. 215–221.
- Rodionov M. Social Restratisation in Modern Hadramawt // Quaderni di Studi Arabi. Nuova Serie I. Roma, 2006. P. 181–190.
- Rodionov M. The Western Hadramawt: Ethnographic Field Research, 1983–1991 // Orientwissenschaftliches Hefte. OWZ der Martin-Luther-Universitaet Halle-Wittenberg. Hft 24. 2007. 307 p.
- Rodionov M., Schoenig H. The Hadramawt Documents, 1904–51: Family Life and Social Customs under the Last Sultans. Orient-Institut Beirut: Ergon. 2011. 342 p. (Beirutese texte und Studien. 130).
- Ryckmans J. La chasse rituelle dans l’Arabie du Sud ancienne” // Al-Bāḥiṭ. Festschrift Joseph Henninger zum 70. Geburtstag am 12. Mai 1976. Bonn, 1976. P. 259–308.
- Serjeant R. South Arabian Hunt. L.Luzac & Co and Totowa, N.J. Rowman & Littlefield, 1976. 143 p.